

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

А. В. Валеров

ОБМЕН И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ И АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Первобытное общество является самым продолжительным периодом в истории человечества, на протяжении которого неоднократно происходили существенные перемены в системе социально-экономических отношений. Накопленный к настоящему времени обширный этнографический и археологический материал позволяет изучать экономику первобытнообщинного строя на разных ступенях и в разных вариантах ее развития. При этом первобытная экономика как система воспроизводственных отношений не всегда и не везде является таковой в смысле хронологическом. Для целого ряда народов Австралии, Океании, Африки, Америки, Евразии модель организации экономической деятельности в условиях первобытности представляет недавнее прошлое или даже продолжает существовать в «живом виде» в настоящее время (если исключить внешние влияния).

Характерной функциональной чертой традиционных экономических систем является отсутствие института рынка, равно как и отсутствие какого-либо самостоятельного института, основанного только на экономических принципах. Стремление извлечь личную материальную выгоду не выступает здесь как основной побудительный мотив к труду или обмену, а трудовые усилия человека не ограничиваются неизбежным минимумом, «естественным» в условиях первобытного существования. Процессы общественного производства, обмена и распределения еще не связаны с конкретными материальными интересами в плане владения вещами, а детерминируются ситуационным контекстом всей совокупности социальных взаимосвязей. Передача материальных благ и услуг представляет собой выражение родственных, религиозных, моральных и иных обязательств, все экономические связи носят индивидуальный характер, и каждое экономическое отношение одновременно есть часть конкретных социальных отношений. Вместе с тем родство, религия и политическая организация в не меньшей

Алексей Валентинович ВАЛЕРОВ — канд. ист. наук, доцент кафедры теории кредита и финансового менеджмента экономического факультета СПбГУ. Окончил исторический и экономический факультеты СПбГУ. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию. Сфера научных интересов — теория и история кредита, экономическая антропология, денежное обращение, рынок ценных бумаг. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций, в том числе одной монографии.

© А. В. Валеров, 2012

степени выступают символическим выражением различных аспектов экономического процесса, опосредованного действием данных общественных институтов.

Разработка теоретических проблем экономики доклассовых обществ во многом сконцентрирована вокруг дискуссии о соотношении «экономического» и «неэкономического», «рационального» и «иррационального» в процессе жизнедеятельности различных хозяйственных коллективов [1, р. 1–7; 2, р. 1179–1187; 3, р. 276–278; 4, р. 205–217]. В спорах о применимости категорий экономического анализа к хозяйству первобытных, архаических и крестьянско-родовых сообществ важное место занимают вопросы о том, как классифицировать нерыночные формы обменного процесса, могут ли невыраженные в денежных ценностях услуги и операции быть проекцией социально-экономического, а не только социально-символического поведения.

Традиция рассматривать товарный (коммерческий) обмен как единственную обменную форму экономики обусловила тот факт, что в значительной части систематических научных обращений экономистов явления первобытного обмена изучаются в отрыве от иных социальных процессов [5, р. 802–821; 6, с. 175–182; 7, с. 142–143]. Наоборот, в исследованиях антропологов и социологов на первый план, как правило, выступают неэкономические функции обмена, который рассматривается либо как основной мотивационный принцип всего социального и индивидуального поведения (социальный обмен) [8; 9], либо как особый способ передачи значений и символов (символический обмен) [10; 11; 12].

Очевидно, что в попытках определить концептуальный статус и теоретическую природу обмена исследователи исходят из необходимости функционально детализировать тот или иной его аспект в целях конструирования определенной модели обмена. Несмотря на важные различия между экономической и социальной сферами обмена, следует признать, что социальный обмен — это тоже своего рода экономическое поведение, способное синтезировать затратно-выгодную или запланированно-потребностную мотивацию с экспрессивными и символическими элементами в человеческом взаимодействии [9, р. 91; 3, р. 280]. Данная статья представляет собой попытку проанализировать свойственные первобытной экономике системы взаимного обмена и распределения с точки зрения их организации и функционирования в качестве универсального экономического механизма координации социальной жизни человека. Несмотря на явно выраженные неэкономические функции, следует полагать, что свойственные традиционной экономике принципы взаимности и перераспределения представляли собой определенный способ экономического поведения, интегральной функцией которого было сохранение и развитие социального взаимодействия.

Из представления о низком уровне развития производительных сил и необходимости вести постоянную борьбу за выживание родился тезис о стадном добывании средств существования как «объективной» и «естественной» цели хозяйственной деятельности первобытных сообществ. Отношения обмена и распределения подчинены задаче добывания готовых продуктов природы и рассматриваются как вторичные, производные элементы структуры общественного производства. Вплоть до появления регулярного прибавочного продукта обмена как такового не существует, а сами акты обмена носят случайный, спорадический характер, дополняя натуральное хозяйствование. Вследствие этого научный интерес к феномену обмена главным образом ограничивается периодом, когда общественное производство переходит на товарную основу, продукт труда превращается в товар, а дифференцированное в результате есте-

ственного углубления специализации разделение труда способствует становлению товарного производства и ускоряет процесс складывания частной собственности (см., напр. [13, с. 88–95; 6, с. 175–182, 255–268; 7, с. 142–143; 14, с. 72–74]).

Вопрос о возникновении обмена, его первоначальных формах и отношениях тесно связан с реконструкцией теоретической модели первобытной экономики, выявлением консолидирующих и дезинтегрирующих факторов, определяющих возможности и пределы ее развития. Материальный статус экономики, ограниченность ее ресурсов становятся ключевым моментом в тех экономических системах, где производство, обмен и распределение регулируются рыночными колебаниями цен и все жизненное благосостояние зависит от соотношения доходов и расходов. Отсюда вытекает необходимость рационального ведения хозяйства, экономии средств, подсчета максимизации — важнейших правил организации экономического поведения в системе современного рынка. Все это несвойственно первобытной экономике, которая была основана на домашнем способе производства (ведение натурального хозяйства), безденежной формы стоимости и действия принципов рыночного ценообразования.

Концепция палеолитической бедности, постулируя мрачный взгляд на традиционный образ жизни первобытных охотников и собирателей, во многом исходит из неолитического этноцентризма ее авторов, усматривающих становление обмена как особой формы деятельности лишь в эпоху перехода общественного хозяйства от фазы простого присвоения к фазе расширенного воспроизводства. Переход к воспроизводящему хозяйству, названный Г. Чайлдом «неолитической революцией», сопровождался увеличением производства прибавочного продукта, что необязательно приводило к росту общественной производительности труда. Как показывают фактические данные, объемы энергии, используемой на душу населения в год, т. е. выработка энергии на единицу человеческого труда, за редкими исключениями оказываются одинаковыми и в палеолитических хозяйствах охотников и собирателей, и в неолитических хозяйствах земледельцев [15, с. 23]. Следовательно, причины неолитического прогресса не были связаны с темпами роста производительности труда, которая оставалась примерно на постоянном уровне вплоть до начала промышленной революции.

При этом для поддержания жизнедеятельности на необходимом уровне вовсе не требовались значительные затраты труда. Так, средняя продолжительность рабочего дня у бушменов Калахари составляет 2 часа 9 минут в день, что гарантирует каждому взрослому члену группы достаточное количество пищи и позволяет трудиться не более 2,5 дней в неделю [16, с. 65]. Ведущие традиционный образ жизни охотников и собирателей коренные австралийцы, по данным 1948 г., трудились в среднем 4–5 часов в день, обеспечивая каждого члена группы количеством пищи, которая по составу и калорийности отвечала стандартам, установленным Национальным исследовательским советом США [17, р. 145–194].

Наблюдения и подсчеты показывают, что в организации как земледельческих, так и доземледельческих первобытных хозяйств труд регулярно недоиспользуется, технологические средства не задействуются полностью, а природные ресурсы остаются недоосвоенными. Результатом выступает недопроизводство первобытных экономик, которые не реализуют полностью свои хозяйственные возможности [15, с. 53–101]. И дело не в том, что нехватка средств является следствием отсутствия прогресса в развитии техники. Скорее, она отражает определенное соотношение между существующими возможностями и целями первобытного хозяйствования.

Если рыночной экономике, как известно, свойственно противоречие между беспредельными потребностями общества и ограниченными средствами их удовлетворения, то первобытное производство подчинено совершенно иным целям. Материальные потребности здесь немногочисленны и при этом не сдерживаются последствиями дефицита ресурсов, чувство собственности не развито, большинство совершаемых производственных и обменных операций имеет явно и неявно выраженное культовое и символическое значение. Скромные стандарты жизни обеспечиваются адекватными средствами производства, поэтому уровень производства низок относительно существующих возможностей. Структура недопроизводства отражает уровень существующих потребностей и в целом соответствует способу их удовлетворения. Пресловутые технологический прогресс и рост производительности труда, обусловленные действием «объективного» закона возвышающихся человеческих потребностей, с точки зрения внутренней организации первобытной экономики просто не требовались. Сложившаяся система хозяйственных отношений является самодостаточной и самовоспроизводящей, позволяет достигать требуемой нормы жизнеобеспечения и в этом плане представляет собой, по выражению М. Салинза, экономику первоначального (материального) изобилия [15, с. 19–52].

Что касается прибавочного труда и прибавочного продукта, столь необходимых для развития обменных отношений, то данный вопрос тесно связан с проблемой интенсивности использования производительных сил. Теория капиталистической экономики, отождествляя развитие производительных сил с технико-технологическим прогрессом, предложила два «универсальных» способа интенсификации производства: совершенствование средств труда и рост производительности труда. Очевидно, что оба стимула подразумевают существование института рынка, соединение которого с промышленным производством привело к реорганизации всего производственного процесса по принципу купли-продажи в денежном эквиваленте на основе рыночного ценообразования. В отличие от рыночной модели социального развития, в докапиталистической экономике соотношение между интенсивностью производства и продуктивной способностью находится не в прямой, а в обратной зависимости. Исследуя экономику крестьянских семейных хозяйств России предреволюционного периода, А. В. Чаянов обнаружил регулярное недоиспользование мужского труда. Совокупное количество труда, затрачиваемое крестьянской семьей для необходимого годового потребления, оставалось на уровне не более 50% от его полного использования. Чем выше была относительная работоспособность производственных домашних групп, тем ниже оказывалась интенсивность труда, тем меньше их члены работали, обладая значительными запасами неиспользованного рабочего времени [18, с. 38–40] (см. также [19, с. 124–129]). Создавая неодинаковый объем продукта, крестьянские дворы, объединенные в общину, были связаны сложной системой обменных отношений, в рамках которой происходила непрерывная циркуляция труда и материальных благ.

Опираясь на результаты исследований А. В. Чаянова, М. Салинз показал, что за счет использования коллективного труда первобытных домохозяйств обеспечивается эффект избыточного производства. Не ориентированная на достижение максимальной эффективности домохозяйства, избыточная интенсивность труда перемещает показатель реальной производительности на значительную величину выше нормальной [15, с. 102–119]. Это позволяет получать не только жизненно необходимый продукт, но и излишек, превышающий собственные нужды хозяйственной группы. В резуль-

тате сегментированная на отдельные, функционально не скоординированные, но связанные кровным родством домохозяйства первобытная экономика в целом получала достаточные материальные средства для развития собственно обменных операций.

В отечественной экономической литературе высказано мнение, согласно которому однородность труда в условиях присваивающего хозяйства делала бессмысленным перемещение одинаковых вещей, не способных удовлетворять различные потребности [20, с. 12]. Вследствие этого обмен выступает как порождение общественного разделения труда, и наоборот, любой обмен последовательно развивает межобщинную и внутриобщинную специализацию, стимулируя дифференциацию хозяйственной деятельности [13, с. 91–93; 6, с. 73–74; 7, с. 289; 14, с. 142–143]. Отсюда неизбежно следует вывод о том, что дальнейшее изучение первоначальных условий и форм организации производственных отношений должно происходить в свете формулы «основного закона первобытного способа производства».

Исходя из выдвинутой философией рыночного либерализма утверждения о природной склонности человека к обмену и торговле как прибыльным занятиям, западная рационалистическая теория вслед за Г. Спенсером, а затем Л. фон Мизесом и У. Липпманом вообще склонна отождествлять принцип разделения труда с обменом. Первобытный человек предстает как ненасытное существо с неограниченным стремлением к производству конечной продукции и психологией рыночного торговца (об этом см. [21, с. 56; 1, р. 1–7]). «Не может быть никакого разделения труда, если нет результативного экономического обмена» [22, р. 13]. Остается только догадываться, каким образом при наличии ограниченных средств существования в первобытных сообществах могли развиваться безграничные потребности.

Представление о неразрывной связи экономического обмена и принципа разделения труда соответствует условиям развитого товарного обращения. Наличие товарно-денежных отношений, как процесс купли-продажи, институализированный в ценах и денежных эквивалентах, предполагает организованный поэтапный переход от развернутой формы стоимости к всеобщей и далее — к денежной. В современной экономике использование денег для совершения сделок необходимо, поскольку все ресурсы, а также готовая продукция должны иметь ценник. Деньги сами по себе становятся товаром, цена которого выражена процентной ставкой. В первобытных сообществах, напротив, пропорция, в которой обмениваются предметы, часто является случайной, меновые стоимости колеблются и в значительной мере определяются статусной позицией предмета, закрепленной в моральной иерархии ценностей. Не выступая как средство рыночного (коммерческого) обмена, примитивные деньги (различные предметы и вещи) не связаны с производством и каждодневным потреблением, не обезличены, как и их пользователи, и для каждой хозяйственной операции необходим определенный вид денег ограниченного назначения [1, р. 12–13; 23, р. 50–51]. В отличие от товарного производства, организованного обменом и для обмена стоимостями, в большинстве некапиталистических экономик производственный процесс в узком значении акта создания необходимых для материального воспроизводства общества товаров не является регулярным и автономным; в обращении не находится постоянно возрастающая масса избыточного продукта и ничто не побуждает наращивать его объемы до предела физических и материальных возможностей. Отсутствие рыночных стимулов не дает достаточных оснований полагать, что каждый обменный акт должен быть обязательно Парето-оптимальным.

Если исходить не из предвзятых представлений об извечности рыночных отношений, а из реальных сведений об экономике отдельных народов, то можно заключить, что в действительности разделение труда — явление столь же древнее, как и само общество. И возникает оно не вследствие развития обмена и торговли, а в результате воздействия биологических, географических и ряда иных неэкономических факторов [24, р. 212; 21, с. 56, 294]. Следовательно, и обмен, как феномен не менее древний, чем производство, первоначально не опирался на ранние формы разделения труда. Наличие или отсутствие каких-либо излишков хозяйственной деятельности также не является обязательным условием возникновения обмена. Фактические данные об уровне жизни первобытных охотников и собирателей показывают, что нередко в актах обмена фигурировали не «случайные излишки», а жизненно необходимые предметы и продукты [25, с. 128]. Обращение и необходимых для жизни продуктов, и возникавших вследствие избыточного труда излишков диктовалось, прежде всего, интересами личного потребления. В условиях естественной хозяйственной специализации, с одной стороны, и неодинаковой интенсивности труда отдельных производственных групп, с другой, — обмен становился средством обеспечения существования первобытных сообществ, одновременно порождая сложные формы социальных взаимосвязей. Отношение производителя к самому процессу производства обуславливалось обменом настолько, насколько характерный для первобытной экономики домашний способ производства регулярно недопроизводил жизнеобеспечивающих благ.

Среди факторов, стимулировавших возникновение и развитие обмена, в первую очередь следует выделить необходимость адаптации к экологическому разнообразию районов расселения различных общин и связанные с этим культурные традиции [26, с. 78] (также см. [27, с. 200–202]). Обмен тем, что произведено, а не только собственно производство, становился важнейшим организационным принципом жизнедеятельности первобытных социальных структур. Факты показывают, что, несмотря на разнообразие природных условий, ведущим социально-экономическим коллективом первобытного общества повсеместно выступала община [28, с. 156–157]. Как универсальный механизм социальной адаптации, община, в свою очередь, воздействовала на формы организации производства и обмена, наделяя их специфическими чертами. Выражением этой взаимной обусловленности становились межобщинные и внутриобщинные экономические связи, в рамках которых обменные отношения принимали характер традиционного социального взаимодействия.

В процессе становления родовой общины и дуально-родовой организации сложилась устойчивая система постоянных коммуникаций, в структуре которой важная роль принадлежала обмену женщинами [29, с. 126]. В целях укрепления брачно-семейных связей противоположные половины дуальной организации (фратрии) строго придерживались принципа инцест-табу, в связи с чем поддерживали регулярный взаимообмен, объектом которого сначала были женщины, а после возникновения счета родства сфера обменных отношений распространялась на продукты, различные вещи и символы. Способствуя консолидации аморфных этнических групп, институт дуальности тем самым порождал разнообразные взаимные обязательства и права, вследствие чего индивидуальные связи приобретали парный и симметричный характер [21, с. 61]. Отличительной чертой брачного обмена была не просто детопроизводственная, а уже хозяйственная связь между парами, образующими единый производственный коллектив. В рамках институциональной модели дуальной симметрии механизм

функционирования этих экономических отношений основывался на характерном для первобытной солидарности принципе взаимной эквивалентной коммуникации (мотив, побуждающий совершить эквивалентное ответное действие), получившем название «реципрокность» (reciprocity) [30, р. 218; 31, р. 9–14; 32, р. 91–95; 33, с. 178]. Основной формой реципрокных отношений выступал традиционный обмен дарами, или дарообмен, который наряду с брачной организацией и оказанием различных услуг был призван служить средством установления и сохранения регулярных социальных контактов.

Благодаря исследованиям Б. Малиновского и М. Мосса была раскрыта полифункциональная роль дарообмена в социально-экономической структуре родоплеменного общества [34; 35]. Наиболее существенными чертами дарообмена являются принцип взаимности и принцип эквивалентности, позволяющие поддерживать социальную связь посредством встречного движения даров. Этикет реципрокности предписывает возместить сделанный дар через определенный временной промежуток, который должен быть не слишком большим, но и не чрезмерно малым. Материальной стороной реципрокного обмена становится соединение отличных друг от друга экономических интересов, заставляющих людей вступать в отношения коллективной кооперации, которые порождают множество разнообразных форм деятельности. В этом плане весьма показателен сделанный Б. Малиновским анализ экономического быта туземцев островов Северо-Восточной части Меланезии, где вся племенная жизнь пронизана постоянной дачей и отдачей; каждая церемония, каждый публичный акт сопровождается материальным даром и отдаром [34, с. 178].

При этом большинство совершаемых обменных трансакций уже выходит за рамки обмена дарами и охватывает широкую сферу взаимодействия, в которой отчуждение и присвоение ценностей в контексте отношений «давать — брать» регулируется моральными нормами и варьируется на разных уровнях коммуникации. Объективные основания реципрокности — эквивалентность и скорость возврата — дополняются рядом эмпирических критериев: первоначальная передача может быть добровольной или недобровольной, предписываемой или договорной; возврат как обязанность возмещения может быть свободно предоставляемым, вытребованным или отвоеванным; обмен может сопровождаться или не сопровождаться торгом, а обмениваемые предметы — пересчитываться или нет [15, с. 177]. Как следствие, свойственная сбалансированному реципрокному обмену симметричная структура отношений нарушается, и возникающий материальный и социальный дисбаланс направляет реципрокную норму в сторону асимметрии. В последнем случае движение ценностей осуществляется в одностороннем, или неэквивалентном, порядке, а материальный и социальный перевес оказывается у одного из участников обмена.

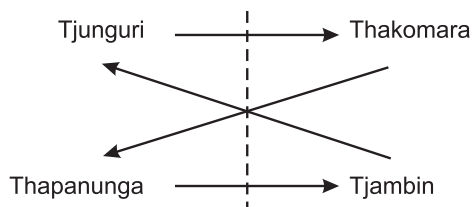
Обуславливая правила обмена, оппозиция симметрии и асимметрии, свойственная принципу реципрокности, отражает двойственную природу самой дуально-родовой организации. Симметричные диаметральные формы дуальности, создающие равновесие между социальными группами, всегда сосуществуют с асимметричными концентрическими структурами, устанавливающими обязательное неравенство и иерархию в отношениях. Соотношение между диаметральной и концентрической формами принимает в разноуровневой системе родоплеменных коммуникаций вид двусторонних и односторонних отношений, которым свойственно постоянное движение от устойчивости к изменчивости, от непрерывности к дискретности, и наоборот

[29, с. 145–161]. Позитивный аспект реципрокности основан на сочетании установки привязанности и непосредственности с реализацией экономического равенства сторон и выражается в регулярно совершаемых встречных одариваниях и сложных церемониальных актах обмена. Это — статичная модель симметричного обмена, которая характерна для уровня межрегионального и межплеменного взаимодействия. Контрастом является комплекс взаимных услуг и платежей, формально представленный как связь между кредитором и должником, как бинарная оппозиция права и обязательства. Это — динамичная модель одновременного асимметричного обмена, совместимая с уровнем внутриобщинной и межобщинной интеграции.

Воздействуя на реципрокные ожидания, степень родства и величина социальной дистанции между обменивающимися сторонами создавали в системе коммуникаций первобытной экономики несколько разноуровневых каналов, по которым синхронно циркулировали различные предметы и ценности. Каждая сфера обмена сосуществовала с различными формами распределения и регулировалась разными принципами, диапазон которых колебался от эгалитарности до неэквивалентности. Исследования ряда обществ, находящихся на стадии первобытности, показывают, что в одно и то же время среди одних и тех же лиц нормы распределения и обмена одинаковых материальных благ могли существенно различаться [36, с. 17].

Характер обмениваемых предметов также оказывал непосредственное влияние на пропорции обмена и содержание реципрокных процедур. Наиболее архаичные формы распределения (разбор, дача, дележ) сохранялись в отношении потребляемой пищи. В большинстве первобытных сообществ обмен еды на вещи совершался среди определенной группы лиц внутри общины либо вообще исключался из широкого круга сбалансированных и несбалансированных транзакций [25, с. 119; 15, с. 196–200]. По сравнению с используемыми в дарообмене вещами пища имела более высокую социальную ценность, ее циркуляция основывалась не на взаимных, а на родственных обязательствах. Символизм приготовленной и доступной для обмена пищи подчеркивал ее ценность и в дальнейшем использовался как основа для заключения двустороннего контракта между людьми [37, р. 510]. Женщины также обменивались только на женщин, а не на вещи [38, р. 238]. Транзакции с предметами длительного пользования, в отличие от пищи, предполагали неоднократное распределение, поэтому реципрокные отношения здесь были более симметричными.

Движение продуктов и иных ценностей происходило по параллельным и диагональным каналам парного и брачного взаимодействия так, что между отдельными локальными группами дуальной организации не существовало непроницаемых перегородок. Модель предметно-кольцевого дуализма графически может быть представлена на примере последовательного обмена между принадлежащими к противоположным экзогамным половинам тотемными группами центрально-австралийского племени варрамунга [39, стб. 114]:

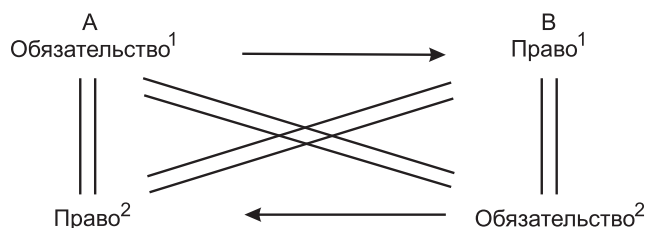

В области межобщинных и межплеменных контактов, где отчетливей ощущалась напряженность, было меньше терпимости к потерям и выше склонность к мошенничеству, необходимость предоставить эквивалентную компенсацию становилась уже более обязательной, в том числе и в транзакциях, связанных с пищей. Хотя обязательство возмещения обычно не оговаривалось во временном аспекте, ожидание встречной отдачи было ярко выражено. Так, в дарообмене, имевшем место у аборигенов центральной Австралии, существовала традиция, согласно которой мужчина или женщина за подарок принимали на себя обязанность доставить дарителю предмет, который он желал получить в качестве ответного дара, либо выйти за него на охоту либо выполнить какую-нибудь работу. Как правило, требуемый предмет нужно было доставить издалека, а для памяти обязанные должны были носить веревку на шее [40, с. 37].

В течение того времени, пока принявшая дар сторона не выполнила свой долг гостеприимства, возникала определенная экономическая неуравновешенность во взаимоотношениях. С точки зрения устойчивости социального взаимодействия несбалансированный обмен следует расценивать как более эффективное средство по сравнению с симметричными и уравновешенными транзакциями. Норма реципрокности предписывала поддерживать отношения до того момента, когда встречное возмещение, по крайней мере, не компенсирует первоначальный дар. Во-первых, человек должен помогать тому, кто помог ему самому; во-вторых, человек не должен причинять вред тому, кто оказал ему помощь [41, р. 171]. Отсутствие возмещения или неполная компенсация создавали особую взаимосвязь между людьми, ставя принявшего дар в зависимое положение по отношению к дарителю [35, с. 153]. «Тень задолженности» заставляет должника находиться в позиции дружелюбия, внимания и отзывчивости в отношении тех, кто имеет перед ним преимущество [15, с. 190]. Основания этого социокультурного феномена лежат вне плоскости экономических мотивов.

Имплицитное ожидание встречной отдачи в сочетании со способностью проявить реципрокность создавали предпосылки для участия в новых транзакциях, вследствие чего реципрокный обмен предстает как серия взаимно компенсационных актов, разграниченных в пространственно-временном диапазоне: установление соответствия предметов и их передача друг другу, замещение одних вещей другими, обязанность возратить, иногда в большей мере, обязанность принять и т. д. Процедура переходящего дисбаланса, вынуждая стороны попеременно одаривать друг друга, не только обеспечивала непрерывность обращения материальных благ и оказываемых услуг, но в целом способствовала достижению равенства взаимных прав и обязанностей. Конвертируемость разнообразных ценностей и комплементарность между взаимозависимыми партнерами выступают как два социальных процесса, нормативно обусловленных отношениями реципрокности.

Распределение прав и обязанностей в ходе реципрокного обмена схематически можно изобразить следующим образом [42, р. 556]:

Соответствие между обязательством и правом одной стороны либо правом и обязательством другой последовательно приводит сначала к установлению эквивалентности между их взаимными обязательствами и правами, а затем к статусному равноправию самих взаимодействующих сторон. Противоположно направленные стрелки указывают на комплементарность, согласно которой одна сторона исполняет свое обязательство, а другая — соглашается его признать в качестве своего права, и наоборот.

В контексте реципрокных отношений парный обмен дарами был тесно связан с обменом взаимными услугами в форме помощи. Обмен взаимопомощью происходил между людьми с равным экономическим положением, основывался на взаимной даче и принципе пропорционального возмещения, причем эквивалентность была идеалом, который реализовывался лишь в общем и целом и только на протяжении длительного времени [43, с. 53–54].

Генетическую связь с рассматриваемым типом отношений обнаруживает система хозяйственных связей, имеющая место у североамериканских фермеров канадской провинции Саскатчеван, а также у мексиканских крестьян, известная как «парное обменное партнерство» (Дж. Беннетт) [3, р. 291–293], или «парный контракт» (Дж. Фостер) [44, р. 1174–1176]. Связь с капиталистическим рынком еще не оказала здесь разрушительного воздействия на традиционный хозяйственный уклад, который не может быть охарактеризован как рыночный, или товарный. Отличительной чертой местных экономик является функционирование в неравновесном состоянии, чтобы точный и явный баланс между двумя партнерами никогда не был подведен. По мнению Дж. Фостера, «это поставило бы под угрозу все отношения, ибо если бы все кредиты и дебиты каким-то образом смогли бы быть сбалансированы в одно время, то контракт перестал бы существовать... Парный контракт эффективен именно потому, что партнеры никогда точно не уверены в их сравнительном положении в каждый данный момент. Пока они знают, что их вещи и услуги плывут навстречу друг другу в равных в сущности количествах по мере течения времени, они знают также, что их отношения имеют под собой прочную базу» [44, р. 1185]. Сохраняя и умножая количество «парных контрактов», человек тем самым обеспечивает свою экономическую безопасность.

Отношения взаимной помощи, известные как «помочи», были широко распространены в русской крестьянской общине [45, стб. 25–26], в сущности представляя собой коллективную форму «помогообмена» [43, с. 58–59].

Каждая форма данных экономических отношений выступала как неразрывное единство двух моментов, один из которых состоял собственно в одаривании или взаимопомощи, а другой включал то, что непосредственно отдавалось в виде помощи или дара. В отличие от дарообмена, в услугуобмене различие этих двух моментов имело существенное значение. Отношения здесь изначально строились на противопоставлении дачи и отдачи, при этом принцип эквивалентного возмещения требовал, чтобы потребительные ценности отдаваемого и возвращаемого благ отличались друг от друга. Основанием возмещения выступал платеж, призванный погасить оказанную услугу, поэтому то, что отдавалось, превращалось из помощи в заем. Помощью оставался лишь сам акт ее предоставления. Возврат займа не означал прекращения отношений, поскольку эквивалентное возмещение охватывало только заем, но не затрагивало обязательства оказать взаимную услугу. В результате стороны попеременно выступали в роли кредитора и должника, и в целом обменные отношения приобретали симметричный вид [43, с. 60–62].

Наличие открытого взаимного расчета было отличительной чертой заемных отношений. Идеология реципрокности трактовала обменные операции как мирно разрешенные военные конфликты, а войны — как результат неудачных сделок [38, р. 67]. Поэтому дипломатия реципрокного обмена предписывала отдавать несколько больше полученного. Возмещение «с походом» было проявлением социального такта, задатком за безопасность и в то же время позволяло добиваться устойчивой пропорции обмена [15, с. 263–265]. В заемных транзакциях традиционная прибавка, по-прежнему считаясь выражением благодарности за подарок или одолжение, в действительности означала присвоение результатов чужого труда, получив впоследствии наименование договорного процента. Давление, оказываемое на заемщика, не выполнившего своих обязательств, нередко принимало коллективную форму. Как свидетельствуют первые миссионеры, побывавшие на Соломоновых островах, «все мужчины из дома кредитора приходят к должнику и вместе со своими женами водворяются на его земле, должник разводит огонь и варит для них пищу; если и после этого долг не будет уплачен, то они остаются ночевать, и уходят только на следующее утро, но через некоторое время повторяют свой визит» [46, с. 324].

Нарушение симметрии в сфере заемных отношений происходило по мере нарастания диспропорций между количеством отданного и полученного. Противопоставление дачи и отдачи, основанное на соблюдении эквивалентности, подразумевало, что по отношению друг к другу стороны выступали как распорядители определенной доли общинной собственности, имея возможность осуществлять ее отчуждение и присвоение. Расщепление между владением и распоряжением проявилось в изменении способа распределения, которое в основном стало происходить по труду. Возникшее неравенство в распределении не касалось потребительных долей, а выражалось в неодинаковой степени доступа к распоряжению вещами, остававшимися по-прежнему в собственности коллектива. В результате, когда одна сторона постоянно выступала в образе дающего, а другая — только получающего, заемные отношения принимали открытую форму покровительства, или патроната [43, с. 57–58].

Несоответствие взаимных прав и обязанностей оказывало многоплановое воздействие на общественные отношения. В социальном аспекте имущий, безусловно, имел определенные преимущества перед неимущим, дающий — перед берущим, заимодавец — перед заемщиком [47, с. 149]. В сфере межобщинного обмена, призванного поддерживать социальные связи, асимметрия обязательственных отношений получила выражение в виде статусных различий, и субститутном эквивалента в материальной форме стал престиж.

В основе престижно-экономических отношений действовал принцип реципрокности, обеспечивавший обращение и перераспределение материальных ценностей и услуг на разных уровнях межобщинной интеграции. На периферии дуальной организации располагались общины, связанные между собой сетью симметричных обменов. Эти диаметрально взаимосвязи в то же время дополнялись существованием концентрически выраженной системы асимметричных отношений, основанной на противопоставлении центра и примыкающих сторон. Функциональная роль центра заключалась в организации распределения и обмена между общинами, образующими в своей совокупности более крупную экономическую целостность. Инкорпорация периферийных общин происходила посредством их вовлечения в церемониальный дарообмен, сопряженный с устройством престижных пиров, в ходе которых

накопленные продукты распределялись в форме подарков и щедрых угощений. Существенным признаком данной системы распределения и обмена был ее межобщинный и межфратриальный характер, предписывавший реализовывать избыточный продукт в соответствии с нормами традиционной реципрокности.

Классическими примерами престижно-экономических отношений могут служить потлачи индейских племен Тихоокеанского побережья Северной Америки или «свинные пиршества» папуасов Новой Гвинеи. Сходные социальные институты были известны эскимосам Аляски, алеутам Берингова моря, степным племенам североамериканского континента и другим народам, хозяйству которых присущи черты первобытного уклада.

В ходе подготовки к торжествам тщательно подсчитывались свои и чужие ресурсы. Каждая община, производительные возможности которой позволяли создавать и накапливать избыточный продукт, стремилась превзойти другие в расточительных раздачах и одариваниях. Утраченные богатства возмещались общественным признанием, уважением и почетом, увеличивая социальную значимость и ранговую позицию группы и ее лидера. Статусные различия не всегда являлись источником имущественной дифференциации, и нередко материальное преимущество оказывалось на стороне подчиненного. «Настоящие вожди всегда умирали бедными», — говорили североамериканские индейцы [48, с. 128].

Щедрость и гостеприимство, сопровождавшие престижный обмен и распределение ценностей между общинами, нередко граничили с агрессивностью, что указывает на враждебное происхождение и генетическое родство данных форм экономических отношений с обычаем взаимных грабежей [49, с. 349]. Североамериканские индейцы вовсе не стремились доставить удовольствие тем, кого одаривали и угощали. Напротив, всеми доступными средствами они старались унижить приглашенных, подавить их своей щедростью. Угощение, пляски и раздача подарков были сопряжены с соперничеством и легко могли перейти в открытую борьбу [48, с. 131]. Аналогичным образом вплоть до наших дней протекают межобщинные празднества на другой части земного шара — в туземных сообществах Меланезии. Хозяин, устраивающий пиршество, выступает здесь также в роли агрессора, а само праздничное мероприятие в какой-то степени приравнивается к войне. Так как хозяин у себя дома, а гости приходят не в свою деревню, то их приход рассматривается как военный набег. Вооруженные до зубов стороны делают вид, что одна из них нападает, а другая отражает нападение [50, с. 120]. Становится ясно, что своими корнями институты престижной экономики восходят к эпохе межобщинных войн и столкновений, на смену которым пришли «войны» с помощью пищи и раздачи имущества. Традиционная практика внесения компенсационных платежей за убитых в соответствии с генеральным принципом реципрокности со временем эволюционировала в требование эквивалентного возмещения.

Поскольку движение материальных благ происходило в двух противоположных направлениях, а возвращаемые дары по своей совокупной ценности могли превосходить первоначально розданные, постольку это послужило отправной точкой для разработки концепции о кредитной природе престижной экономики. В поле зрения исследователей прежде всего попал североамериканский потлач, который стал рассматриваться как фестиваль, где сочетается обязательство по долгам, с одной стороны, и выплата долгов — с другой. Автор первого научного описания и объяснения этого явления Ф. Боас увидел в нем особый институт вложения капитала в рост, своего рода

страховой фонд, призванный обеспечивать благополучие потомков его устроителя. Капитал, которым владеет каждый индеец в племени, во много раз превышает фактическое количество существующих наличных денег — условие, вполне сходное с тем, которое преобладает в западной рыночной экономике [51, p. 341].

Кредитная интерпретация потлача вызвала справедливую критику со стороны как зарубежных [52; 53], так и отечественных специалистов [54], указавших на недопустимость модернизации еще первобытных в своей сущности отношений привнесением в них элементов капиталистической экономики. Тем не менее, исходя из предложенной Ф. Боасом трактовки потлача, следующее поколение ученых (М. Мосс, Дж. Дави, Л. Адам и др.) искало корни этого обычая в существовании взаимных обязательств родовых фратрий, возникших в связи с культом мертвых (см. об этом [55, с. 161]). При этом особо подчеркивались договорной характер потлача и его форма ритуального обмена. Давать, получать и возмещать — наиболее существенные обязанности различных сторон любого потлача [35, с. 146–155].

Кредитный подход возобладал и при изучении так называемых «свиных пиршеств» — традиционных межобщинных празднеств, устраиваемых папуасами Новой Гвинеи. Дача «в кредит» происходит здесь следующим образом: в присутствии многих свидетелей туземец отдает свинью в виде дара с целью получить ее обратно с процентами на другом пиршестве [56, p. 181–199]. Хозяин точно подсчитывает на специальных бирках все, что дарит гостям. То же самое делают гости [57, с. 91]. На этом основании Р. Лэйси предложил заменить слово «подарить» на термин «дать в долг», который полагается вернуть [58, p. 181].

Нетрудно заметить, что подобное понимание специфики экономического поведения человека первобытного общества базируется на традиционной для современной западной логики идее максимизации удовлетворения материальных потребностей через распределение дефицитных ресурсов. Полученный ряд оцениваемых альтернативных результатов и связанный с ним набор формальных моделей принятия решений — прямое следствие подобных «эмпирических» исследований. При таком подходе, как правило, не уделяется должного внимания ни специфике заемного обязательства и механизму, посредством которого возникает и погашается долг, ни структуре производственных отношений, в которой обмен и распределение в качестве определенных волевых актов еще не были, как в капиталистической экономике, напрямую связаны с индивидуальным владением и неограниченным распоряжением конкретным имуществом. Волевые отношения собственности при капитализме выступают как правовые только по своей форме, тогда как в большинстве докапиталистических экономических систем любое конкретное имущественное отношение одновременно является моральным, политическим и правовым, причем не только по форме, но и по своему содержанию [59, с. 109–110]. Не выступая как общественные отношения вещей, имущественные отношения первобытного общества не проявляют себя в форме утилитарной экономической сделки. Да и само право собственности здесь представляет собой не юридический титул, а выражение интимной сопричастности между владельцем и предметом владения. Всякий предмет может быть самим собой и в то же время чем-то иным. Он может находиться здесь и одновременно быть в другом месте [60, с. 258–259]. Отсюда необходимо постоянное перемещение имущества, которое в силу господствующих представлений не воспринимается как богатство, не является средством и целью накопления. Поэтому отчуждение и обмен выступают не просто как

важнейшие элементы отношений собственности, а как способ социального взаимодействия. Отказ от использования имущества рассматривается как нарушение права собственности [61, р. 118]. При этом «собственность», как правило, не рассматривается как частная и не относится исключительно или даже обязательно к материальным благам, тем более к средствам производства. Прежде чем касаться «вещи» как таковой, отношения собственности выступают отношениями между людьми, опосредованными материальными и нематериальными элементами культуры.

Эмпирический круг обменных трансакций, связанный с выбором способа распоряжения имуществом, в конечном итоге зависел от степени центричности и асимметрии реципрокных отношений. Участие в престижном обмене не только побуждало к значительным расходам, но и требовало предварительного накопления пищи и иных ценностей. Естественный предел того, что человек мог произвести сам или с помощью членов своей семьи, ограничивал его в стремлении создать себе репутацию. Преодоление данного барьера становилось возможным за счет присвоения продуктов чужого труда, эквивалентное возмещение которых не было скоординировано по времени. Это стимулировало кооперацию хозяйственной деятельности и развитие заемных операций. В результате линейная схема взаимной дачи и отдачи ($A \rightleftharpoons B$) в рамках межобщинного обмена, последовательно реализовываясь в актах мобилизации, хранения и перераспределения имущества, принимала концентрическую форму:

Централизация реципрокных взаимосвязей в системе межобщинного и межплеменного перераспределения в экономической антропологии связывается с понятием «редистрибуция» (redistribution) [31, р. 153–156; 21, с. 60–64; 62, р. XIV; 15, с. 172–174; 63, с. 169]. Как экономический механизм, редистрибуция означала создание способов повышения количества товаров или услуг в социально значимых для распределения центрах [1, р. 9].

Если реципрокный обмен обычно соотносится со стадией родоплеменного общества, то редистрибуция — с обществом архаическим [64, р. 162–184]. Не отрицая подобной взаимосвязи, заметим, что архаическое общество как стадия общественного развития скорее совпадает не с «докапиталистическими классово-антагонистическими формациями» [14, с. 145], а с процессами укрепления межобщинных связей и этнической консолидации. В таком обществе уже существовали элементы государственного управления, но экономика и социальные отношения еще не были затронуты историческим вмешательством государства.

В редистрибутивной системе преобладали вертикальные линейные связи. Движение материальных благ и услуг происходило по восходящим и нисходящим каналам, связывающим человека, находившегося в центре системы (A), с каждым из остальных соплеменников (B, C, D и др.). В тех случаях, когда поступления от периферии к центру системы в общем и целом равнялись количеству продукта, направляющегося от центра к периферии, доходы системы совпадали с ее расходами, вследствие чего складывалась симметричная модель редистрибуции. Возможность перераспределения здесь была ограничена необходимостью эквивалентного возмещения. В результате престиж

человека во многом зависел от того, сколько он сам производил. Такую редистрибутивную систему, основанную на сбалансированности реципрокных отношений, можно охарактеризовать как закрытую или, по определению Ю. И. Семенова, «неэксплуаторскую» [65, с. 58].

Замкнутые редистрибутивные системы существовали в течение непродолжительного периода времени и представляли собой один из вариантов развития престижно-экономических отношений. Контекст обменных транзакций здесь был ограничен узкими рамками одного или нескольких родственных коллективов, и если человек, являвшийся центром перераспределительных процессов, умирал, то система, как правило, распадалась. В совокупности со стремлением к социальному выдвиганию это создавало предпосылки для организации новых раздач и пиров, символизируя следующий этап в борьбе за лидерство. Широко известен пример меланезийского бигмена, авторитет и высокий статус которого завоевывался, с одной стороны, участием в церемониальном дарообмене, а с другой — организацией пиршеств и раздачей имущества. Социальное положение бигмена позволяло сконцентрировать в одних руках потоки материальных ценностей, но не являлось наследственным [14, с. 237]. Подлинными бигменами были умиалики эскимосов Северной Аляски [65, с. 59], а также алеутские тоены [66, с. 224].

В ряде случаев взаимные дачи могли покрывать друг друга, но это не было обязательным условием функционирования редистрибутивной системы. Как показывают специальные исследования, количество возмещенного относилось к количеству розданного как 1/3, и в целом поддерживать отношения взаимной эквивалентности были в состоянии не более четверти из тех людей, которых одаривали в ходе престижных мероприятий [22, р. 169–172]. Остальные становились должниками редистрибутора, попадая в зависимое от него положение. Характерное свидетельство о возникавших для участников престижного обмена социально-экономических последствиях приводит Н. А. Бутинов, описывая соперничество между лидерами папуасских общин на Новой Гвинее [50, с. 123–124].

Рост общественного признания, сопровождавший акты публичной щедрости, оборачивался порицанием и унижительным отношением к тем, кто дарил мало или вообще только получал. «Подарок создает рабов, как плеть создает собак», — гласит известная эскимосская поговорка [15, с. 128]. Неспособность исполнить принятое обязательство закреплялась ранжированием статусных позиций, дифференцированных по степени доступа к общественному продукту и размерам его отчуждаемой и присваиваемой доли. «Я — предводитель не потому, что люди любят меня, а потому, что они мои должники и боятся этого», — заявил один из лидеров папуасов капауку [67, р. 95].

Концентрация, хранение и перераспределение всего или, по крайней мере, части общественного продукта, сосредоточенные в одних руках, в сущности, означали реализацию отношений владения, пользования и распоряжения. Вместе с тем владение как первичная форма собственности по-прежнему оставалось коллективным, и структурообразующее для системы распределения значение приобретало рациональное управление общинными ресурсами [68, с. 71]. Если в процессе интеграции экономической активности периферии лидер редистрибутивной системы как основной получатель и распорядитель благ по какой-либо причине переставал одаривать соплеменников, то это не снимало с последних обязанность по-прежнему отдавать часть создаваемого продукта. Тем самым характер передачи различных ценностей в восходящем

и нисходящем направлениях ставился в зависимость от объема прав и обязанностей в иерархически выстраиваемой социальной структуре. Чем дольше отношения между центром и периферией оставались несбалансированными, тем больше доходы реди-стрибутивной системы превышали ее расходы. Социально-экономическая система, основанная на данном способе перераспределения, может быть названа открытой, или эксплуататорской [65, с. 58].

Материальный дисбаланс, сопровождавший акты престижного обмена, вступал в конфликт со свойственным эгалитарному обществу принципом жизнеобеспечивающего распределения, который «не мог оправдать ни непродуктивное накопление любых ценностей... ни чрезмерное, по представлениям общества... приобретение таких ценностей» [14, с. 150]. Отсюда вытекала необходимость оправдывать возникавшую иерархию статусов: в идеологическом плане — через представление о щедрости лидера, в экономическом — посредством традиционных компенсаторных механизмов взаимопомощи и дарообмена. Подробный статистический анализ данных о передаче и получении ресурсов эскимосами, проведенный Ф. Прайером и Н. Граберном, показал, что в паре из дающего и получающего баланс, т. е. справедливость в распределении благ и издержек, не достигается. На идеологическом уровне эскимосы стремятся к взаимному обмену и соблюдению баланса в принципе «дать — взять», но в действительности идеологическое признание реципрокности, по всей видимости, служит эффективным предлогом, или «оговоркой», для эмпирического нарушения баланса, из-за чего и сохраняется нарушенный баланс [69].

Если коснуться материальной стороны реди-стрибутивных отношений, то их характеристика в качестве «централизованного реципрокного обмена» и в то же время как «действий, направленных на проявление публичной щедрости», предполагает определенную двусмысленность, свойственную позиции лидера. Обмен не может одновременно быть эквивалентным и безвозмездным. Власть и родство, обусловив данное противоречие, воплощались в различных по форме и содержанию транзакциях, в которых перемещение материальных ценностей осуществлялось в направлении от симметричного реципрокного обмена к асимметричным актам одностороннего присвоения, образующим полюс контрреципрокности. В условиях расширения сферы действия престижно-экономических отношений несоответствие взаимных прав и обязанностей проявляло себя на разных уровнях социальной организации. В связи с этим все большее значение приобретал принцип неравномерного распределения, разрешавший дилемму первобытной эгалитарности и экономической неуравновешенности. С одной стороны, этика щедрости и престижа оправдывали статусное неравенство, с другой — идеология реципрокности отрицала какие-либо иерархические различия [15, с. 129–130]. Главным организационным итогом развития института реди-стрибуции становится углубление зависимости периферии от центра, включение новых обществ в систему единых экономических взаимосвязей.

Асимметричные реципрокные отношения обеспечивали устойчивость управления коллективными ресурсами и вместе с тем порождали качественно новую форму общественных отношений. Отсутствие требования эквивалентности означало, что категория «реципрокность» в системе крупномасштабных реди-стрибуций, организованных под эгидой племенных вождей или чифменов, оказывалась тесно связанной с реально существующей эксплуатацией. Отношения эксплуатации складывались на основе межобщинной взаимозависимости, представляя собой особый метод коллек-

тивного перераспределения, присущий первобытному способу производства. Важно подчеркнуть, что редиistribuтивный метод эксплуатации не основывался на частной собственности на средства производства, а был связан со способностью местного лидера, используя неэкономическое преимущество, поддерживать на определенном уровне темпы поступления и расходования доступных ресурсов. С точки зрения рациональной капиталистической перспективы такая эксплуатация «непригодна», так как непосредственный производитель владеет средствами производства, сохраняет контроль над процессом производства, а впоследствии контролирует и часть продукта своего труда.

Чем выше был потенциал избыточного производства общин, тем большими были возможности для мобилизации и накопления, тем более асимметричный характер принимала структура взаимных обязательств между центром и периферией редиistribuтивной системы. В конечном итоге кругооборот богатства, запасаемого и растрачиваемого для институционализации престижа одних и удовлетворения насущных потребностей других, подчинялся действию принципа реципрокности, детерминировавшего мотивы экономического поведения. Многофункциональность реципрокных отношений, обусловленная оппозицией симметрии и асимметрии, в одних случаях выступала в качестве фактора системной дезинтеграции, в других — приводила к возникновению локальных экономических дисбалансов и политической централизации. Поэтому особенно важным для сохранения жизнедеятельности системы первобытного хозяйства становился вопрос о выборе оптимальной стратегии регулирования в сфере обмена и перераспределения, способной обеспечить непрерывную циркуляцию различных ценностей между общинами.

Литература

1. Dalton G. Economic theory and Primitive Society // *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63, N 1. P. 1–25.
2. LeClair Ed. E. Jr. Economic Theory and Economic Anthropology // *American Anthropologist*. 1962. Vol. 64, N 6. P. 1179–1203.
3. Bennett J. W. Reciprocal Economic Exchange among North American Agricultural Operations // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1968. Vol. 24, N 3. P. 276–309.
4. Pratts J. I. Synthesis, or a New Problematic in Economic Anthropology // *Theory and Society*. 1982. Vol. 11, N 2. P. 205–228.
5. Burling R. Maximisation Theories and the Study of Economic Anthropology // *American Anthropologist*. 1962. Vol. 64, N 4. P. 802–821.
6. Рачинский Ю. М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. М., 1986. 192 с.
7. Румянцев А. М. Первобытный способ производства: политико-экономические очерки. М., 1987. 328 с.
8. Homans G. C. Social Behavior: Its Elementary Forms. New York: Harcourt, Brace & World, 1961.
9. Blau P. M. Exchange and Power in Social Life. New York: John Wiley & Sons, 1964.
10. Singlemann P. Exchange as symbolic interaction // *American Sociological Review*. 1972. Vol. 37. P. 414–424.
11. Abbott C. W., Brown C. R., Corsbie P. V. Exchange as symbolic interaction: for what? // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 3. P. 504–506.
12. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака: 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 304 с.

13. Хазанов А. М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975. С. 88–139.
14. История первобытного общества. Т. III: Эпоха классовообразования. М., 1988.
15. Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999. 295 с.
16. Кабо В. Р. У истоков производящей экономики // Ранние земледельцы: этнографические очерки. М., 1980. С. 59–85.
17. McCarthy F. D., McArthur M. The Food Quest and the Time Factor in Aboriginal Economic Life // Records of the Australian-American Scientific Expedition to Arnhem Land / ed. by C. P. Mountford. Melbourne, 1960. Vol. 2: Anthropology and Nutrition.
18. Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. 216 с.
19. Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919. 178 с.
20. Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1973. Вып. 138: Торговля и обмен в древности.
21. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. 320 с.
22. Herskovitz M. J. Economic Anthropology. A Study in Comparative Economics. New York, 1952.
23. Dalton G. Primitive Money // American Anthropologist. 1965. Vol. 67, N 1. P. 44–65.
24. Thurnwald R. Economics in Primitive Communities. Oxford, 1932.
25. Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1960. Т. LIV.
26. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. 192 с.
27. Народы Австралии и Океании. М., 1956. 852 с.
28. Кабо В. Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 149–158.
29. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001. 512 с.
30. Firth R. The Place of Malinowski in the History of Economic Anthropology // Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski / ed. by R. Firth. London: Routledge and Keagan Paul, 1957.
31. Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi / ed. by G. Dalton. New York, 1968.
32. MacCormack G. Reciprocity // Man. New Series. 1976. Vol. 11, N 1. P. 89–103.
33. Семенов Ю. И. Реципрокация // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. 240 с.
34. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. 552 с.
35. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М., 1996. 362 с.
36. Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений // Советская этнография. М., 1977. № 2. С. 15–28.
37. Strathern A. Melpa Food-names as an Expression of Ideas on Identity and Substance // Journal of the Polynesian Society. 1977. Vol. 86, N 4. P. 503–512.
38. Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1969.
39. Эйльдерман Г. Первобытный коммунизм и первобытная религия (в историко-материалистическом освещении). М., 1923. 390 стб.
40. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства. Пг., 1923. 242 с.
41. Gouldner A. W. The Norms of Reciprocity: A Preliminary Statement // American Sociological Review. 1960. Vol. 25, N 2. P. 161–178.
42. Lebra T. S. An Alternative Approach to Reciprocity // American Anthropologist. 1975. Vol. 77, N 3. P. 550–565.
43. Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 7–86.

44. *Foster G. M.* The Dyadic Contract: a Model for the Social Structure of a Mexican Peasant Village // *American Anthropologist*. 1961. Vol. 63, N 6. P. 1173–1192.
45. *Тихонов В. П.* О займе у крестьян Козловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1891. Вып. III.
46. *Кунов Г.* Всеобщая история хозяйства. Обзор хозяйственного развития от примитивного собирающего хозяйства до развитого капитализма. М.; Л., 1929. Т. I.
47. *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125–176.
48. *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961.
49. *Зибер Н. И.* Избранные экономические произведения в двух томах. М., 1959. Т. II. 696 с.
50. *Бутинов Н. И.* Народы Папуа Новой Гвинеи (от племенного строя к независимому государству). СПб., 2000. 384 с.
51. *Boas F.* Social Organization and Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Washington, 1897.
52. *Barnett H. G.* The Nature of the Potlatch // *American Anthropologist*. 1938. Vol. 40, N 3. P. 349–358.
53. *Drucker Ph.* Rank, Wealth, and Kinship in Northwest Coast Society // *American Anthropologist*. 1939. Vol. 41, N 1. P. 55–65.
54. *Аверкиева Ю. П.* К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М., 1946. № 1. С. 26–29.
55. *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974.
56. *Elkin A. P.* Delayed Exchange in Wabag sub-district, Central Highlands of New Guinea // *Oceania*. 1953. Vol. 33, N 3. P. 181–199.
57. *Бутинов Н. А.* К проблеме лидерства в Меланезии // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004. С. 79–92.
58. *Lacey R.* Holders of the Way: a Study in Precolonial Socio-Economic History in Papua New Guinea // *Journal of the Polynesian Society*. 1979. Vol. 88, N 3. P. 277–326.
59. *Семенов Ю. И.* О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // Советская этнография. М., 1976. № 4. С. 93–113.
60. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. 608 с.
61. *Radin P.* The World of Primitive Man. New York, 1953.
62. *Dalton G.* Introduction // *Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi* / ed. by G. Dalton. New York, 1968.
63. *Семенов Ю. И.* Редистрибуция // Свод этнографических понятий и терминов: социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. 240 с.
64. *Polanyi K.* Semantics of General Economic History // *Readings in Anthropology*. New York, 1959. Vol. 2. P. 162–184.
65. *Семенов Ю. И.* Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть I) // Этнографическое обозрение. М., 1993. № 1. С. 52–74.
66. *Ляпунова Р. Г.* К вопросу об общественном строе алеутов середины XVIII в. // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 215–227.
67. *Pospisil L.* Kapauku Papuans and Their Law // *Yale University Publications in Anthropology*. New Haven, 1958. № 54.
68. *Васильев Л. С.* Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60–99.
69. *Pryor F. L., Graburn N. H.* The myth of reciprocity // *Social Exchange: Advances in Theory and Research* / eds K. J. Gergern, M. S. Greenberg, R. H. Willis. New York: Plenum press, 1980. P. 215–237.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2012 г.